

серебра, взятое изъ храма. Для перваго представленія была выбрана пьеса, именно, комедія Мариво „Игра любви и случая“, за которой слѣдоваль водевиль: „Любовникъ — авторъ и слуга“. За входъ въ этотъ театръ брали бездѣлицу; часть сбора употреблялась на покрытіе вечеровыхъ издержекъ за освѣщеніе и отопленіе театра, а остальное дѣлилось между актерами. Ни Наполеонъ ни маршалы не посѣщали этого театра, но многіе генералы, офицеры и масса солдатъ ежедневно наполняли его залу.

Собранными по церквамъ восковыми свѣчами иллюминировали не только этотъ театръ, но и нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, гдѣ давали балы. Французы, вальсируя другъ съ другомъ, приставали къ русскимъ: *Ou sont vos barines? Ou sont vos demoiselles?* — высказывая сожалѣніе, что не могутъ съ ними хорошенько поплясать.

Временнаго веселья было не занимать стать тогда въ Москвѣ между французами, такъ, Bourgogne говорить: „Отлучавшіеся возвращались нагруженными всѣмъ, что только можно себѣ представить чудеснаго и богатаго. Между замѣчательными вещами было нѣсколько серебряныхъ ризъ съ образцовъ, съ прекрасными тисненными украшеніями; приносили также слитки серебра величиною въ кирпичъ. Затѣмъ были головныя украшенія, индѣйскія шали, ткани изъ шелка, затканныя серебромъ и золотомъ.

Мы, унтеръ-офицеры, имѣли право брать себѣ отъ солдатъ двадцать процентовъ приносимаго ими. Прежде всего мы позаботились нарядить нашихъ русскихъ женщинъ по-французски, маркизами, и, такъ какъ сами онѣ ничего въ этомъ не смыслили, то двое изъ насъ, я и товарищъ мой Flamont, занялись ихъ туалетомъ. Наши двое русскихъ портныхъ были одѣты китайцами. Я — русскимъ бояриномъ, Flamont — маркизомъ; словомъ, всякій изъ насъ одѣлся по своему вкусу. Наша маркитантша,

А. С. Фигнеръ.

vis-à-vis, наши маркизы, должно-быть, подъ вліяніемъ удалой музыки, принялись вдругъ выпрыгивать по-татарски, направо — налево, выкидывать ногами, откидывать руками, сгибаться, разгибаться — просто самъ чортъ въ нихъ влѣзъ. Если бы онѣ были одѣты по-русски, оно было бы не такъ смѣшно, но видѣть французскихъ маркизъ, какъ извѣстно, держащихъ себя чинно, такъ бѣшено прыгающими, было до того смѣшно, что мы лопнули со смѣха, а флейта наша просто покатила и не могла продолжать, — билъ одинъ барабанъ, и то... тревогу! А маркизы наши снова принялись за то же, пока, наконецъ, не попадали на полъ отъ усталости. Мы имъ давай аплодировать, подняли ихъ, опять стали пить и плясать, такъ до четырехъ часовъ утра“.

Когда французы оставляли Москву, у офицеровъ ихъ было по нѣсколько экипажей и у каждаго въ повозкѣ — дама, русская или французенка, такъ какъ множество ихъ бросилось за арміей. Нѣкоторыя, скоро понявъ, что ихъ ожидаетъ дальше, воротились назадъ; остальные подверглись невыразимому бѣдствію: у нихъ дорогой украли лошадей и все, что было теплаго. Эти несчастныя сначала лишились своихъ дѣтей, а потомъ погибли и сами. Очень немногія спаслись, и, кажется, не видѣли, чтобы которая-нибудь изъ нихъ перешла границу...

Не менѣе веселья было и въ Кремлѣ. „При всѣхъ кремлевскихъ воротахъ, пишетъ авторъ „Журнала“, стояли на часахъ гвардейскіе гренадеры; они были одѣты въ русскія шубы и опоясаны

тетушка Dubois, подошедшая на этотъ случай, одѣла богатое платье русской боярыни. Такъ какъ париковъ не было маркизамъ, то ротный цырюльникъ взялся ихъ причесать: намазалъ головы саломъ и посыпалъ мукой вмѣсто пудры; затянуты онѣ были отлично. Оркестръ представляла флейта, на которой игралъ нашъ сержантъ, ему вторилъ барабанъ. Начали съ мотива „Зададимъ имъ жару“. Но только-что раздались звуки флейты и барабана, въ ту самую минуту, какъ тетушка Dubois стала выходить со своимъ